
ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ,
академик РАН

Самый деревенский “деревенщик”

К 75-летию Василия Ивановича Белова

Василий Иванович Белов – патриарх того течения современной русской литературы, которое известно под названием “деревенщики”.

Это замечательное и загадочное направление существует последние 3–4 десятилетия и включает (это перечисление не содержит никакой оценки – даже моей, я просто называю наиболее известные мне имена, чтобы читатель понял, о чём идёт речь): Абрамова, Астафьева, Носова, Белова, Распутина. К этому же направлению можно отнести раннего Солженицына.

Само название “деревенщики” очень неточно, хотя бы потому, что многие из принадлежащих этому течению авторов мало связаны с деревней. Больше ему соответствовало бы название вроде “традиционалисты” или “консерваторы” (хотя последний термин сейчас слишком расплылся – ведь даже советники президента Буша – Кристал, Вульфовиц, Подгорец, – толкающие США на революционно-мессианский путь, тоже называют себя “неоконсерваторами”).

Но, как часто бывает, неточный термин оказывается более подходящим при углублении понимания. Ведь в течение тысячелетий русская традиция – это была деревенская традиция. Даже “городская” квартира, возникшая в последние века, восходила к деревенским нравственным и эстетическим принципам. И борьба с русской традицией обычно ярче всего выражалась в борьбе с деревней: и при подавлении крестьянских восстаний в начале XX в., и при попытке утверждения военного коммунизма, и в ходе коллективизации. Так борьба за деревню (или – борьба с деревней) стала центром русской истории XX в. И тем самым направление “деревенщиков”, в более широком толковании этого термина, совпадает с “традиционализмом”. Это, собственно, просто указание на центральную тему русской жизни XX в.

Но возвращаюсь к нынешнему юбиляру – Василию Ивановичу Белову – к нему-то эти оговорки не относятся. Как раз он из всех “деревенщиков” наиболее связан с деревней. Прежде всего личной жизнью: и до сих пор он живёт в родной деревне Тимонихе, оставаясь, кажется, её последним жителем. Так же и темами своего творчества, неизменно посвящённого гибели деревни, на разных стадиях этого процесса. И, наконец, может быть, самое главное – его художественный стиль отразил то особенное деликатно-нежное (но нежное без оттенка сентиментальности) восприятие жизни, которое характерно для русского крестьянина.

Конечно, критики-профессионалы более разносторонне разберут этот “стиль Белова” – я здесь упоминаю свои впечатления читателя (признаюсь: читателя-обожателя). Мне кажется, что такой стиль существует и он столь же однозначно-типичен для беловской прозы, как “моцартовский стиль” или “стиль Мусоргского” в музыке. Он неизменен и присутствует и в ранних произведениях Василия Ивановича – прежде всего в “Привычном деле”. Особенно в монологе Ивана Африканыча на могиле жены: трудно представить себе читателя, который бы над ним не плакал (я, во всяком случае, такого не встречал). Или в поразительных “Канунах”, читая которые живёшь этой счастливой жизнью (счастливой – так как осмысленной). Про которую хочется воскликнуть “Вот это и есть настоящая жизнь” – и о которой известно, что она обречена. Да и само название напоминает – что топор занесён. И в более позднем рассказе, напечатанном в журнале “Москва” в номере, посвящённом 50-летию Победы. Рассказ называется “Данные” и, по-моему, относится к вершинам творчества Белова и вообще русской литературы. У нас существует целая литература о Войне: была и помпезно-официальная литература, отталкивавшая неизбежной фальшью; было и несколько более честных произведений – это течение называлось “лейтенантская проза”. Но рассказ Белова – нечто совершенно особенное: это война глазами деревни. Причём и война на фронте, где крестьяне, воюя в пехоте, устилают своими телами путь к Победе. И война в тылу, с голодом, непосильным трудом на лесоповале...

Трудно и представить себе, какое будущее ждёт наш народ (да и другие народы). Но на все времена останется то понимание русской идеи и русской истории, которое так совершенно воплощено в творчестве Василия Ивановича Белова.